

Фазиль Ирзабеков

День рождения
Ошара Хайдиша

Фазиль Ирзабеков

День рождения Омара Хайяма

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23800264

День рождения Омара Хайяма: Сказочная дорога; Москва; 2014

ISBN 978-5-4329-0060-9

Аннотация

Эта повесть, написанная почти тридцать лет назад, в силу ряда причин увидела свет только сейчас. В её основе впечатления детства, вызванные бурными событиями середины XX века, когда рушились идеалы, казавшиеся незыблемыми, и рождались новые надежды.

События не выдуманы, какими бы невероятными они ни показались читателю. Автор, мастерски владея словом, соткал свой *ширванский ковёр* с его причудливой вязью. Читатель может по достоинству это оценить и получить истинное удовольствие от чтения.

Фазиль Ирзабеков

День рождения

Омара Хайяма

© Ирзабеков Ф., 2014

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление,
2014

* * *

Моей драгоценной Валеньке – жене, самому
искреннему и преданному другу

Дорогой читатель!

Так уж случилось, что первым серьёзным литературным текстом, написанным мною почти 30 лет назад, стала повесть. Однако опубликовать её в ту пору не представлялось возможным ещё и потому, что вскоре последовали события, приведшие в итоге к распаду единого, ещё недавно могущественного государства. Много с тех пор утекло воды, изменился и сам автор. И не только потому, что лет прибавилось вдвое. Он давно не бакинец, а москвич. Ни разу не возвращался на родину, покинув её в 1992 году. Крестился в православную веру с именем Василий. Стал, как и мечталось с юности, писателем, автором четырёх книг, посвящённых, главным образом, любимому русскому языку, но не только, – писались в эти годы и рассказы, эссе, статьи. Понятно, что не могли не измениться взгляды на жизнь, самого себя, иными стали оценки истории страны и её тогдашних вождей. Но сумел-таки преодолеть соблазн и, готовя повесть к печати, не поменять в ней ни единого слова. Думается, так честнее.

В основу повествования легли впечатления детства, вызванные бурными событиями середины 50-х и начала 60-х годов XX века. Это была пора крушения незыблемых ещё

вчера идеалов и рождения новых надежд, кажущихся такими наивными из нашего сегодня. Моя мудрая бабушка любила говорить, что счастье – это если бы можно было соединить несоединимое: тогдашний возраст с сегодняшним умом. А ещё это было время, когда стали возвращаться из ГУЛАГа бывшие политзаключённые... Удивительно, но ни один эпизод, ни одно событие в этой повести, по сути, не выдуманы, какими бы невероятными они ни показались читателю. Иное дело, что по праву автора из них было соткано некое подобие ширванского ковра с его причудливой вязью. Не без этого.

Повесть «День рождения Омара Хайяма» была опубликована в интернет-журнале «Живое слово».

...Помню, как впервые поведал об этой своей тайне женщине, которую, верилось тогда, буду любить всегда. Давно это было. Поздно вечером мы ехали в автобусе, и она в ответ протянула мне руку: «Давай!»

«Что?» – не понял я.

«Повесть давай!»

Ну да, есть люди, которые верят только в то, что можно подержать в руках.

«Знаешь, она у меня уже сложилась в голове, осталось только записать. И я уже знаю последнее в ней слово – компот».

«Ну вот, – рассмеялась она, – а говоришь, что написал серьёзную вещь. Ну как серьёзная вещь может так оканчи-

ваться?!»

А вот на этот вопрос предлагаю ответить тебе самому, мой добрый читатель.

С Богом!

Фазиль Ирзабеков

Всё на свете: и хорошее, и дурное – даётся человеку не по его заслугам, а вследствие каких-то ещё неизвестных, но логических законов, на которые я даже указать не берусь, хотя иногда мне кажется, что я смутно чувствую их.

И. С. Тургенев. Степной Король Лир

Дом этот принялись возводить, когда двадцатый век отсчитал первую дюжину несхожих смутных лет, и сложили быстро, за год с небольшим. И хотя разменял пятый десяток наполовину, стоял всё так же уверенно, с молчаливым достоинством взирая большими окнами трёх высоченных этажей на неказистые строенья, что лепились кругом, словно испрашивая подаяния у внезапно разбогатевшего сородича, явно не торопящегося раскошелиться. Да ещё на ржавые, изломанные сумасшедшими ветрами деревья, все как одно согбенные, повёрнутые туда, к югу, к слабо различимому отсюда тёплому морю... Привычно провожал пустыми глазами высеченных по фасаду каменных своих чудищ дребезжащие трамвайные вагоны, противно лязгающие на стыках рельсов, царапающие изношенными деревянными туловищами извилистый горб древней бакинской улицы.

Косматые львиные морды привычно стерегут парадный вход с мозаичным мраморным «salve», нестрашно грозя редкими уцелевшими клыками... оберегают хрупкий покой своих жильцов, их незатейливые радости и неподдельные муки.

И пусть каждый занимается в этот час своим привычным делом – не оставалось теперь почти никого, кто сомневался бы в том, что это всё-таки случится...

...Душным июльским вечером Зейнаб вошла-таки в этот ненавистный отныне дом – прокралась полутёмным парадным и воровато пробежала мимо самых окон Азизы, словно можно было этим сейчас хоть что-то исправить. Ничто, впрочем, не укрылось от внимательных взоров: и то, как она приостановилась, даже попятилась робко, пытаясь повернуть, но передумала и с чуть преувеличенной решимостью двинулась дальше, на ходу то и дело поправляя и без того правильно завязанную косынку, сильно потряхивая при этом большой дерматиновой чёрной сумкой... Едва ли это был жест, заслуживающий хоть какого-то внимания, но и он не остался незамеченным.

Да, всё в ней было сегодня необычно: и то, что приберегла этот дом напоследок, чего раньше не случалось, и то, что почту начала разносить не в привычном своём, годами заведённом порядке, а спешно взобралась на четвёртый чердачный полуэтаж, что было непросто для немолодой женщины в самом конце многотрудного почтальонского дня.

Самым же невероятным было то, что всё это она проделывала молча, лишь мимолётными, невпопад, кивками отвечая на шумные приветствия высыпающих навстречу хорошо знакомых ей людей.

С плотно сомкнутыми устами проносились по бесконечным лестницам и внутреннему, заморского итальянского покрою, кольцевому балкону третьего этажа самая болтливая в округе женщина.

Нам не понять этих мук, эту снедающую чуть не с рождения и лишь усиливающуюся с годами главную жизненную страсть, эту пагубу: всегда всё про всех знать и всем всё обо всех рассказывать.

То привечаемая и желанная, а то прогоняемая с бранью и клятвенными обещаниями впредь не подпускать и близко к порогу глупую сороку – в зависимости от принесённой в клюве информации, – была она сейчас нема. И недобрым веяло от этого её молчания. Так живёт, до поры затаившись, зловещее ожидание беды в стволе оружия, даже незаряженного, если в него заглянуть...

...любопытствующая публика заполняла внутренний балкон, окна нижних этажей тоже не пустовали, из последних сил тянули шеи за край карниза люди с чердачной надстройкой. Впрочем, заметно было по лицам, что многим уже известно что-то и им не терпится поделиться завидной своей осведомленностью с недоумевающими простаками, которые живут и живут себе на белом свете, не утруждая себя вопро-

сом: а что же в нём на самом-то деле происходит?!

...в ненарушимом молчании, вжав птичью головку в костлявые плечи, почталъон Зейнаб спускалась всё ниже и ниже, а следом за ней, как тускнеющий шлейф за низвергнутой королевой, опускалось над маленьким двором безмолвие, вздымая крошечные облачка пыли с отбитых ступеней старой лестницы...

...и это напоминало чем-то театр перед самым началом представления, тот волшебный миг, когда медленно гаснут светильники и смолкают шорохи, затихает речь и наступает тот непередаваемый трепетный миг, когда всё уже потонуло во тьме, а занавес вот-вот упадёт...

В надвинувшемся зловещем затишье неуютно почувствовали себя дети – стайка мальчишек, сбившихся в тесную кучу под чёрной дворовой лестницей.

В этот невыносимо душный липкий час в навечно пропахшем кошками углу, пиная друг дружку локтями, толкая в грудь, а кто позадиристей – и в лицо кулаком, затыкая болтунам рты перепачканными ладонями, шикая непрестанно, то и дело прикладывая указательный палец к губам и страшно тараша глаза, громко сопя и брызгая слюной, сочиняли они какой-то важный документ.

Слог и содержание рождались буквально в муках. И было это нечто страшное и торжественное: не то клятва, не то приговор.

Заметно выделялся среди них смуглый кучерявый маль-

чик, пожалуй, самый младший в компании, с большими прекрасно опущенными грустными глазами на некрасивом худом личике. Некоторые из взрослых поговаривали о нём с лёгкой опаской, что, мол, умён и грамотен не по годам, а что растёт медленно, так это именно потому, что рано и о многом начал понимать.

Он сидел сейчас в белых коротких штанишках на пяти сложенных кирпичках и старательно записывал что-то в тонкую ученическую тетрадь, которую придерживал на подранных коленках. Был серьезен и держался с подчеркнутым достоинством, а писал почему-то химическим карандашом, часто смачивая его полными, красиво изогнутыми, словно с чужого лица, перемазанными губами.

Валентина Мстиславовна, одиноко доживающая в тесной комнатке на втором этаже, этот последний тускнеющий осколок некогда знатного рода, нарекла эту его особенность «луком амура». Манера изъясняться несколько вычурно была, похоже, её последней, чудом сохранившейся дворянской привилегией. Но это шло ей, хотя и вызывало нередко плохо скрываемые насмешки, но она, казалось, и не замечала их вовсе. Более того, шло удивительно, как фарфоровые, промытые до единой, тонкие морщинки – её умному личику, хранящему следы былой привлекательности, застиранные кружева – немногим ветшающим туалетам, а поблёкшим, в мелкий цветочек, обоям – подслеповатые дагеротипы её славных родичей, давным-давно вымерших.

Ребятня охотно оказывала даме разные мелкие услуги: сбегать за хлебом, вынести мусорное ведро или поднять уроненную во двор бельевую прищепку. Словом, все те пустяки, которых домашние добивались от них нередко боем. И ведь дело не только в конфетах или печенье, неизменно вознаграждавших услужливость, вовсе нет. Дело тут было в ином: каждому ребёнку страстно хотелось хотя б один-единственный разочек побывать в её удивительном, не похожем на многие иные, жилище из другого, загадочного времени, что однажды так таинственно и навсегда оставило нас.

В особенные минуты чрезвычайного расположения духа увядающая аристократка обращалась к знакомым мужчинам всех возрастов с капризным полушутливым требованием обращаться к ней ласково, а именно: «Свет моих очей». Так и звали её за глаза насмешливые туземные соседки.

Девочки обмирали, слушая рассказы счастличиков. Каждая мечтала подержать в слабеющих от восторга, самим себе не верящих руках изящный лорнет с ажурной рукоятью из слоновой кости. Или обмахнуться, раскрыв во всю его фантастическую ширь, сказочным веером из перьев настоящего страуса, дабы вдохнуть, замирая, от плавного его качания, вместе с горестным запахом неумолимого тлена дряхлеющий аромат полузабытых умирающих духов. Можно ещё – если уж совсем повезёт – полистать, всякий раз в предвкушении чуда, бархатные неподъёмные альбомы с золочёными вензелями, а в них – стихи, выведенные старательной

рукой безнадежно влюбленного каллиграфа... Но тщетно! Путь сюда был им заказан на веки вечные. «Свет моих очей» чуралась всех женщин, независимо от возраста, делая исключение лишь для немногих, но и с теми общалась неохотно, дозированно (её словечко!), разве только в случае крайней нужды.

Бездетная, к мальчику она относилась с деятельной нежностью, грозила выковать из него истинного рыцаря, каждый раз плохо сдерживая восторги от лицезрения его лубочных губ и ресниц. И не только ровесницы из соседней школы для девочек и молодые соседки по дому, но даже их мамы и старшие сёстры считали необходимым при встрече подробно расспросить второклашку об учёбе, здоровье домашних и прочих глупостях, откровенно любуясь этими его «прелестями».

Дерзить тогда он ещё не умел, был по-восточному вежлив, но смущался безумно, а потому взял привычку, беседуя, как можно дольше не смыкать век, от чего глаза потом чесались и краснели, приходилось часто моргать. Губы же он прикусывал – они потом кровоточили и покрывались изнутри долго не заживающими язвочками. Не помогали даже угрозы домашних, что от этого может случиться страшная болезнь – рак.

...Теперь, когда Зейнаб решилась-таки прийти в этот дом и с её появлением над обычно шумным двориком нависла недобрая тишина, мальчик первым высунулся из укрытия.

Его охватило волнение. Подумалось, что вот оно, наконец, и наступило... Он спешно уговорил соратников перейти в подвал, подальше, чтобы уже там, и как можно быстрее, все, наконец, и завершить.

Старательно выведя последнее слово, он послунывил лиловыми губами карандашный огрызок, поставил три восклицательных знака и закрыл кавычки. Затем бегло, сильно понизив голос, перечёл текст. После чего в последний раз попытался убедить мальчиков заменить одно очень нехорошее слово на просто нехорошее. Наткнувшись на единодушный отказ, вздохнул и, кажется, смирился. Дело было за малым: аккуратно переписать вымученное на большой белый лист. И только потом пририсовать по углам таинственные символы и грозные знаки.

Спешно расстелили в два слоя старые газеты, положили на них бумагу, придавили её коленками, грубо расхватили цветные карандаши и жадно принялись за творчество: отпихиваясь пыльными головами, больно наступая на растопыренные пальцы, высунув пересохшие языки, размывая кой-где рисунки каплями обильного пота... шумно дыша широко раскрытыми ртами – совсем как стая взбешённых от жары собак. Все молча.

И хотя мальчик любил рисовать, он незаметно покинул единомышленников и вынырнул во двор, который сразу же показался лучшим местом на земле после затхлого сумрака с его вечной сыростью и едкой неистребимой вонью, толстой

доисторической чёрной паутиной, покрытой плотным слоем махровой пыли, с узорчатыми липкими блёстками, что оставляют на облупленных, затянутых бархатистой плесенью стенах неспешные фиолетовые слизни, да ещё гадкими назойливыми насекомыми и ещё чем-то невыразимо мерзким, что доживает, пугая маленьких детей, в заброшенных подвалах старых домов.

Первоначально затея эта целиком и полностью принадлежала кучерявому писарю, и ему так хотелось вместе с посвящёнными довести её до финала, а потому он оставлял их сейчас неохотно. Но то, что должно было произойти здесь сегодня, – он чувствовал это всей своей кожей, – волновало его больше. Ибо речь шла о друге.

Тем, кто и вправду считал их друзьями, оставалось лишь недоумевать по поводу такой внушительной – аж в девять лет! – разницы, которая должна бы изрезать это космическое пространство частой сетью глубоких незаполнимых рвов. Но этого всё не случилось. У каждого из них, конечно же, была куча приятелей из числа сверстников, что непостижимым образом никак не мешало их взаимной приязни, которая всё росла.

Младшие пацаны решили было поначалу, что в основе её лежит вполне конкретный практический интерес. Чингиз (для своих просто Чина) рос единственным субтильным ребёнком в интеллигентной семье и, конечно же, нуждался в защитнике. Отчасти это и было правдой, но лишь отчасти.

Кто же, давайте вспомним, в этом возрасте не бредит старшим братом, сильным и отважным? Всеми этими, и даже куда большими, качествами как раз и обладал Али, в этом мальчик был убеждён. Что-то он, несомненно, дорисовывал, а что-то и наверняка заштриховывал подсознательно, доводя образ юноши до кристалла слёзной чистоты. Ну, а то, что этот подретушированный Алик никоим образом не противоречил вполне земному реальному парню... ну что ж, неужто мы позабыли очаровательную магию этого возраста?

Так ведь правдой было и то, что Чина ни разу не воспользовался высоким покровительством, даже когда его, подло подкараулив в парадном, больно поколотил этот верзила Лёшка, чтобы он не смел подкармливать красавца Джульбарса, который от этого, оказывается, добреет, что будущему пограничному псу не к лицу. Это не могло не вызвать уважение дворовой ребятни.

Что же до того случая, о котором немногие старожилы улицы помнят до сих пор, то после него верное сердечко Чины дрогнуло, сдвинулось с привычного своего места и надолго – тогда казалось, что на всю жизнь, – привязалось к этому рослому загорелому парню с непрестанно улыбающимися тёмно-карими глазами.

Случилось это на самом исходе августа, когда старшие ребята из соседних домов решили наконец-то свести счёты с давними своими противниками. «Будем бить этих фраеров на их же улице!» – так или приблизительно так прозвучала

дерзкая заявка.

Боюсь, сформулировать сейчас изначальный мотив застарелой вражды с молодыми обитателями дальней бухты Байлово было бы непросто. Он слабо проступал в очертаниях знакомой формулы, служившей, впрочем, достаточным основанием для изрядной потасовки, а именно: когда-то кто-то из них тронул кого-то из наших, который гулял с какой-то их девчонкой (за что, собственно, и «тронул»). Но факт остался фактом и торчал упрямо и укоризненно: была задета честь улицы.

Драться решили на горе, неподалеку от зоопарка. В условленный час враждующие стороны и сошлись здесь, сбившись в две волнующиеся стаи. Заметно было, что местных пришло чуть меньше, нежели ожидалось, но держались они спокойнее, наглее, разговаривали нарочито развязно и громко, прохаживались с вызывающим видом, часто и шумно сплёвывая, упорно стараясь не глядеть в противную сторону. Чина тоже оказался здесь и вертелся в числе прочей мелюзги добровольным ординарцем возле старших парней. Условились заранее, что драка будет честной – на кулаках, без применения какого-либо оружия, будь то жёсткая самодельная плётка-татарка, сплетённая из разноцветных телефонных проводов, велосипедные цепи с приваренными рукоятками или кожаные армейские ремни.

Впрочем, в отношении последних, достававшихся по наследству от старших братьев и друзей, отслуживших в ар-

мии, уговор, как правило, не выполнялся почти никогда. Их судорожно срывали с залатанных брюк, уклоняясь от встречных ударов, в кризисный момент рукопашной, чтобы хоть как-то уберечься от неминуемого позора. Когда же превосходство было явным и уже была слышна виктория, все нападающие, как один, словно повинувшись чьему-то неслышному жестокому приказу, намотав крепкую кожу на грязные, разбитые в кровь кулаки и размахивая натёртыми до умопомрачительного блеска медными бляхами, с диким улюлюканьем и разбойничьим посвистом, с визгливой грязной руганью преследовали поверженных, и без того оставляющих поле брани – спешно и бесславно.

...Прошло около четверти часа, как Алик отошёл потолковать один на один с местным предводителем, Робиком, по прозвищу Чёрный. Это был долговязый жилистый парень с очень смуглым потным лицом и непомерной шапкой жгучих чёрных вьющихся волос, почти полностью прикрывающих мутноватые смолянистые глаза. Одет он был ослепительно мрачно: чёрные, сильно расклешённые перешитые флотские брюки, такой же масти башмаки и рубаха, надетая под немислимую антрацитовую кожаную куртку, вопреки зною. Довершал портрет обугленный циферблат больших наручных часов. И в самом деле, чёрный.

«Долго межуются», – нарочито громко произнёс, ни к кому конкретно не обращаясь, Чина. Общаясь с ребятами постарше, он стремился приправлять собственную речь, как

острыми специями, грубоватыми жаргонными словечками. Любой другой наверняка схлопотал бы за это по загревку, но на него сейчас не обратили внимания, все были напряжены... Долгожданного сигнала к бою всё не было. Зато Алик развернулся и подчёркнуто неспешным шагом направился к своим, а подойдя вплотную, заявил, стараясь держаться как можно небрежнее: «Вот что, господа, драки не будет». И далее, не давая никому опомниться: «Общей драки не будет... будет дуэль... всё!». Затем, всё в той же непривычной манере, театрально шаркнув разношенными сандалиями, шуточный полупоклон в сторону Чины: «Вас, сударь, попрошу быть моим секундантом!»

Ничего не поняв толком, мальчик тем не менее расплылся в счастливейшей из улыбок; остальные же зароптали разом, зашумели, требуя разумных объяснений, не скрывая при этом явного своего недовольствия. Предводитель же заметно не спешил.

Похоже, он наслаждался сейчас произведённым эффектом: совсем как мистер Шерлок Холмс после очередного заковыристого сногшибательного умозаключения. И только то, что заговорил он как «Свет моих очей», изъясняясь почему-то на великосветский манер, чего за ним не водилось, выдавало опытному глазу нешуточное волнение. И ведь было отчего!

Как выяснилось немногим позже, он и вправду предложил почему-то Чёрному заменить массовое побоище поединком.

Причём уговорить того было непросто, что тоже вполне объяснимо: мужчины собрались подраться, у всех кулаки чешутся, а тут на тебе – дуэль! Блажь, да и только. Но Алику всё-таки удалось каким-то манером склонить мрачного полководца к согласию, сыграв, как видно, на его неукротимом стремлении к экстравагантности.

Суть же затеи состояла вот в чём: сейчас вся орава перекочует в зоопарк (за большим вольером с орлами есть лаз в стене, местные проведут). Кормление животных, судя по времени и заметному оживлению, доносящемуся из-за высокой каменной ограды, только началось, и зверьё наверняка не успело сожрать свою порцию, что и было необходимым условием для поединка. А требовалось по его условиям всего-то ничего – достать голый рукой мясо из клетки льва, уведя его, таким образом, из-под самого носа, чуть не из самой пасти ненасытившегося хищника...

Бросили монету, и первым выпало Алику. Чёрный вздохнул при этом с таким заметным облегчением, шумно выпустив из лёгких воздух, что некоторые из его старших ребят зыркнули на атамана укоризненно. Да и сам он сразу как-то обмяк: глаза уже не таращились угрожающе, жило в них сейчас одно лишь жестокое детское любопытство – что-то будет дальше?!

А дальше было вот что. Все сгрудились вокруг большой клетки; впрочем, вряд ли она казалась таковой косматому её обитателю, который возлежал сейчас, шумно отфыркива-

ьясь, мотая непомерно крупной рахитичной головой и судорожно поводя впалыми боками, крепко держа в передних лапах крупную сильно пахнущую мясную кость, которую грыз неспешно, часто слизывая большим розовым языком.

Посетителей в будние дни бывает немного, а те, что прохаживались возле, сами отошли от греха подальше при виде ватаги недобро настроенных парней.

Следовало, однако, поторопиться: всё ведь могло случиться, а главное, в любую минуту мог нагрянуть милицейский патруль, такое случалось, а перспектива принудительного контакта с суровыми мужчинами в синей форме никого, понятно, не радовала.

В наступившей тревожной тишине – слышно только, как хищник рвёт жёлтыми клыками мясо и смачно его жуёт – Алик мягко оттолкнулся и перевалил через невысокий барьер, приблизившись к толстым прутьям клетки почти вплотную. Зверь тотчас скопил на него один свой внимательный глаз, продолжая, впрочем, неспешно есть, и только уши – чуткие, торчком – выдавали в нём злую насторожённость.

Очень нужно было хоть как-то, на один-единственный миг оторвать его от этой проклятой кости. Смелчак инстинктивно повернулся к своим: было бы славно, если бы ребята как-нибудь испугнули льва. Но это противоречило одному из двух главных условий – только одному. И только руками...

Позади маячил вконец размякший Чёрный. Даже не видя его, Алик всей спиной ощущал наглый самовлюблённый взгляд, которым тот подталкивал его сейчас с самодовольной ухмылкой: «Ну чё, струхнул, керя? А зря, я тя преудреждал». И крупно пожалел он, наверное, в этот момент об этой своей затее... следом припомнил, как откровенно вздохнул Чёрный после жеребьёвки (у, трус поганый!), и нешуточная злость подкатила к скулам, прихватив накрепко присохший к нёбу неживой язык. С телом своим он сейчас совладать не мог, оно словно вышло на время из его подчинения. Противно вибрировали ладони. Слушалась только голова, наполненная лёгким противным звоном, и он снова, на сей раз неспешно, повернул её в сторону своих.

...Ребята стояли, сбившись в тесную кучу, разинув от волнения рты и впившись в его фигуру вытаращенными глазами, в которых читались только надежда и страх. И были они в эту минуту немного смешны и до того похожи, – ну, все до единого, – что парень невольно улыбнулся. Чина, как и всегда, счёл этот знак обращённым к нему лично, а потому не замедлил просить в ответ, да ещё подмигнул другу, подбодрив его своим маленьким, перепачканным в извёстке, воинственно сжатым кулачком. Алик тоже подмигнул ему, а заодно и всем своим парням, глазам его вернулся прежний, такой знакомый всем, озорной блеск. В следующий миг он стремительно зашёл сбоку и неожиданно сильно дёрнул льва за кисточку на кончике хвоста, что свешивалась, нервно по-

драгивая, из-за прутьев клетки.

Огромная кошка вскочила резко, отбросив кость к самому краю. Всё произошло так стремительно, что зверь и рывкнуть не успел.

Уязвлённый, он стоял сейчас на мягких своих, могучих лапах и не мигая всматривался в лицо этого самоубийцы, который невольно отшатнулся от тяжёлого, недоброго взгляда. Зрители разом и как-то утробно охнули, когда лев вскинулся, но продолжали стоять всё так же, пригнувшись к барьеру, вцепившись в перила побелевшими пальцами, ожидая развязки.

Хозяин клетки между тем пребывал всё в той же позе, смахивающей на собственное изваяние, и только едва различимо недовольно урчал. В глазах его не было уже прежней озлобленности. В их непроглядной желтоватой глубине притухли на время зеленоватые сполохи, а взор всё легчал, утрачивал, светлея, колючую свою, пугающую тяжесть, пока и вовсе не стал прозрачным. Сейчас он ясно струился, не задевая, впрочем, ни этого высокого бледного юношу, стоявшего перед ним, ошеломлённого от собственного же безрассудства, ни столпившихся за барьером мальчиков, взмокших от страха и волнения, разинувших глупые рты...

...минуя холмистое, объятое острым, щекочущим ноздри нечистым звериным духом опостылевшее пространство с пыльной листвой полуживых деревьев и дохлой затоптанной травой, взор его устремился вниз, к начинающему свежить

вечернему морю, и уже там, легко скользнув по прохладной солоноватой воде, прочь бегущей от изнурённого убийственным зноем тёмного песчаного берега, он мирно отплывал, минуя благополучно маяк на дальнем острове, за призрачную линию горизонта...

...Оправившись от давешней дерзости, Алик вновь заметно осмелел. В следующий миг он просунул руку между толстыми металлическими прутьями и, нащупав кость, сжал её. Всё так же не отрывая пристального, в упор, взгляда от успокоенного, казалось, хищника, он медленно, очень медленно потянул руку обратно. Оставалось совсем уже немного: поднести её бережно к самому краю и выдернуть сильным рывком.

Тут-то и произошло непредвиденное... В самой глубине клетки, из овального обгрызенного отверстия в толстой деревянной перегородке раздался угрожающий рык, и оттуда тотчас высунулась голова рассерженной львицы.

Парень вздрогнул от неожиданности, мгновенно переведя взгляд со льва на его оскорблённую подругу, но добычи своей почему-то не выпустил, словно забыл о ней вовсе. И тогда случилось самое ужасное: изловчившись, одним точным движением, лев накрыл руку парня своей мощной лапой. Похожим жестом дети ловят кузнечиков...

Вокруг завопили, всех точно прорвало...

Львица выпрыгнула из укрытия, Алик же... Алик молча, закусив посеревшие губы, дёрнул изо всех сил руку и вырвал

её, окровавленную, так и не выпустив то, что было зажато в ней теперь намертво...

Что тут началось!

Кричали что-то бестолковое ребята, разом бросившись к своему вожаку и перетаскивая его через барьер, кидались на прутья клетки взбешённые львы, грозя разорвать всех в клочья. Они прыгали, встав на задние лапы, как гигантские разъярённые собаки, потрясая всё пространство вокруг диким оскорблённым рёвом. Ярость их немедленно передалась обитателям соседних клеток, потом её подхватили и в дальних... Отовсюду бежали сюда люди, их оказалось неожиданно много.

А посреди этой паники, оглушённый невообразимым гвалтом, не слыша ничего и виновато улыбаясь, правда, одним только бескровным пересохшим ртом, застыл красивый бледный юноша, цепко сжимая в разодранной до кости, изуродованной руке странный трофей – большую, сильно пахнущую мясную кость.

О том, что происходило после, он знал в душераздирающих подробностях от младшего друга, который пересказывал ему все перипетии того злополучного дня. Что до самого героя, то больше других ему запомнилась женщина, та единственная, что не потеряла самообладания в жуткой неразберихе, и пока кто-то бежал, наконец, на поиски телефона, решительно, но бережно, дабы не причинить излишней боли, усадила парня на заднее сиденье своей «Победы», не побо-

явшись испачкать кровью светлые парусиновые чехлы, и куда следом влез почему-то Чёрный и прошмыгнул Чина, свято соврав, что он родной брат пострадавшего... Ещё запомнилось нагромождение склонившихся над ним потных возбуждённых лиц и бешеная езда по неровным улочкам, напоминающая частой сменой окон, стен домов и вывесок магазинов кадры виденного-перевиденного детектива... да ещё, пожалуй, тот накотивший внезапно, так некстати, тяжёлый приступ тошноты...

Из потока звенящих вокруг фраз слух выхватил и впечатал в память слово, повторяемое чаще других, пульсом бьющее в самый висок, а потому пугающее, – столбняк! Неумолимо разрасталась в израненной руке большая боль...

Когда же в первой попавшейся на пути аптеке рану стали обрабатывать, он изо всех сил старался не срываться на крик, резко играя при этом мышцами упругого живота. Всё происходящее казалось до того неправдоподобным и пугающим, что Чина вжался в самый дальний угол кабинета, объётого сейчас испарениями йода и нашатыря, и только нижняя челюсть его дрожала мелко-мелко.

Исчез, словно испарился, Чёрный, когда вошёл провизор, огромного роста и обхвата молодой мужчина, неожиданный обладатель красивого женского голоса. Стоя со сложенными на самом верху колыхающегося живота маленькими ослепительно чистыми ладошками и заняв, таким образом, чуть не половину помещения, перекрывая вскрики Алика и причи-

тания двух девушек, напроць забывших о прилавке, он угрожал, требовал милицию, с какой-то особенной интонацией выпевая слова «криминал» и «протокол». Это вконец доконало мальчика, и без того насмерть перепуганного...

Домой мужчины возвращались всё на той же «Победе», расположившись на заднем сиденье. Чина всю дорогу молчал и только робко отвечал на немногие вопросы водителя. Затих и Алик, виновато уставясь в спину женщины, такой необычной, неведомо каким ветром занесённой в этот южный приморский город.

А непохожим в ней было всё: и то, что вела машину (такого здесь не случилось!), и то, что курила открыто, но не оставив манерно пальцы, как курят женщины в трофейных кинолентах, но и не так противно, как Азиза; она курила так, как делают это немногие из мужчин – глубокими неровными затяжками, как последним воздухом дыша этим дымом и не умея надышаться. Непостижимо, но это никоим образом не убавляло её удивительной женственности. Напротив, приметное наблюдательному глазу изящество виделось во всём, но проявлялось отчего-то сдержанно, чуть не робко, словно долго и вынужденно таилось.

Могло ещё показаться всё подмечающему зоркому взору, что эта всё ещё молодая женщина непрестанно занята напряжённым воспоминанием чего-то очень важного, возможно, себя самой, желанием вновь обрести то, чем обладала прежде, но почему-то утратила. Было в ней, похоже, всё:

и щемящая угловатость, надломленность жестов, и фасон летнего платья, который наверняка казался ей чересчур легкомысленным, и даже сам её голос. Каждую новую фразу после долгой паузы начинала она с высокой, чуть резкой ноты, но, словно опомнившись, меняла её звучание, наполняя теплом и мягким чарующим тембром – как отогревала в горячих ладонях выпавшего из гнезда примороженного птенца... Эти мысли – непривычные, неожиданные – неужели они сейчас переполняли голову измученного юноши? Вряд ли.

Это случится потом, много позже, томя неискущённую душу незнакомым прежде волнением, неизъяснимой тревогой... Сейчас же он, как замороженный, всё пытался поймать в прыгающем водительском зеркальце её глаза, стараясь запомнить. Никогда прежде не встречал он таких удивительных глаз. И дело было вовсе не в том, что были они особенно хороши. Тут было иное: никогда прежде не приходилось ему встречать такого взгляда, он и не подозревал, что человек способен так смотреть.

Глаза её жили, казалось, своей, совершенно особенной, отделённой ото всего жизнью, но что поражало в них больше всего – это оставшееся почему-то, странным образом задержавшееся в самой глубине зрачков явственное ощущение муки, минувшей, быть может, давно. Наверное, так же долго и мучительно болит и ноет уже несуществующая ампутированная конечность у инвалида.

Бесчисленное количество раз потом, много позже, не умея

подавить в себе неослабевающий интерес, будет он вспоминать эту женщину, пытаясь воссоздать её мысленно, вспомнить всю... все юношеские видения так и останутся чужими портретами других неинтересных женщин, незрячих к тому же, без её глаз.

...Так кто же была она, эта женщина? Как оказалась она в этом городе? И чем была так терзавшая её, так надолго поселившаяся во взгляде эта пожизненная боль?!

Машину она вела ровно, старательно избегая рытвин, но они всё равно попадались, как назло. На потемневшем осунувшемся личике мальчика, как в зеркале, отражалась каждая неровность дороги, отдавался каждый, даже самый незначительный, укол боли. И глядя сейчас на него, Алик вспомнил вычитанное в журнале «Вокруг света» о том, как муж-индеец, чтобы хоть как-то помочь бедняжке-жене, вдохновенно изображает, повторяя, страдания роженицы, страшно корчась на земляном полу вигвама, в то время как верная его подруга в подлинных муках рождает ему на свет дитя.

Его тронуло это наивное, такое искреннее участие совсем ещё маленького человека. Ещё ему впервые подумалось о том, как верно и в то же время красиво древнее народное присловье, с которым обращаются к самому близкому, самому родному существу: «Да перейдёт в моё сердце твоя боль!»

И сама мысль, пришедшая так неожиданно, и сами чувства эти были так новы для него, так непривычны. И уже не

найдя сил защититься от взявшейся неведомо откуда и подступившей к самому горлу, к самым глазам нежности, он бережно притянул к себе ребёнка здоровой рукой.

Чина, конечно же, расценил это движение по-своему, приняв за попытку утешить его, уставшего за день и перепуганного. И чтобы тотчас же круто изменить мнение о себе, встрепенулся, осведомившись бравым тоном бывалого вояки: почему, собственно, их лишили удовольствия (именно удовольствия, малыш тщательно выверил фразу) поколотить баиловских забияк?! И хотя выходка эта была неожиданной, лицо Алика выразило не удивление, а скорее растерянность. А потому ответил он не сразу и тихо, как равному: понимаешь, не получилось бы сегодня поколотить... они ведь анаши накурились... и ножи у них были...

Помолчал немного, что-то припоминая, и добавил уже жёстче: «Точно, были». Следом улыбнулся чему-то, но не своей привычной, а слабой улыбкой больного и, шутливо ткнув малыша в самый кончик носа, как в кнопку дверного звонка, закончил совсем уже по-детски: «А вы и не чухнули!»

Словом, Алик не мог не стать кумиром мальчика. И именно таким, как это случается у мужчин и только в детстве. Уморительное для постороннего глаза стремление ребёнка подражать старшему парню буквально во всём не могло не привести к комичной ситуации, впрочем, вряд ли она казалась таковой для самого Чингиза. А случилось, на сей раз,

то, что сразу после новогодних праздников его угораздило тайно влюбиться в ту самую девушку, с которой Алик, как сказали бы ныне, начал встречаться. Тогда же принято было говорить – дружил.

Настоящая зима в этом городе всегда редкость, а потому снегопад – повод для поистине языческого неистовства. Неудивительно поэтому, что после многочасовой снежной баталии Алик слёг надолго с тяжёлой простудой, чертыхаясь и кляня всё на свете за то, что вынужден так бездарно проводить чуть ли не последние в своей жизни школьные каникулы. Однокашники и взрослые соседские парни забегали проведать товарища, но задерживались теперь у постели больного недолго. Целыми днями пропадали где-то: у многих в ту пору завелись подружки, но это никак не афишировалось, более того, тщательным образом скрывалось, говорить об этом даже в самом тесном кругу позволялось лишь лёгкими полунамёками (болтунов презирали!) – сказывались незыблемые традиции восточной мужской этики.

Нелегко приходилось теперь Диляре-ханум. Вот как оно бывает, горестно думалось женщине: растишь-лелеешь сокровище своё, единственную память, и всегда и во всём – одна. Лучший кусок – ему, самое ласковое словечко – ему, самые заветные мечты – о нём же, только о нём, потому как о себе и мечтать-то нечего, забыла себя давным-давно... Господи, давно ли?! Сколько же лет прошло?.. Лет?! А может,

веков?.. В какой же жизни это было?.. «Приди, – звала усталая женщина, – хоть во сне явись ненадолго, помоги, подсоби, посоветуй, – как быть? Как жить?! Парень наш вон какой вымахал, красавец, машаллах (чтоб не сглазить!), совсем уже взрослый, и заботы теперь все новые, взрослые, ой, непростые это заботы! А что он мне отвечает иной раз? Повторить стыдно, да и обидно очень, потому как нет во мне этого, да и не было никогда... А так меня любая мать поймёт, если, конечно, дитя своё так же любит...

...Да разве ж я против той девушки была, когда просто дружили, – убеждала она своего многолетнего незримого собеседника, – ничего такого не было, что ты?! Не такой он парень, наш Али, да и девушка не вертихвостка, это сразу видать, зачем Бога гневить... только вот. Да не против я, ну и дружили бы как дружили, только дело-то, по всему видать, идёт к серьёзному. Вот и всполошилась я, говорю ему, сынок, а он... ты бы только видел. Разволновался так, что аж заикаться начал. А ведь до этого никогда голоса на меня... тут же не то чтобы кричал, а лучше бы кричал. Как не стыдно, мама, откуда это в тебе, что сказал бы отец?! И что бы ты сказал, а? Молчишь? Молчишь... так-то... «Откуда это в тебе?!» Да всё оттуда же! Разве ж я одна такая и разве ж не таковы все люди? А если кто не говорит в открытую, – тот, стало быть, просто рисуется – так я понимаю. Или я не права? Опять не права?! Разве не сбиваются птицы, такие похожие, но каждая – в свою стаю. Ведь и природа на земле, и жизнь

наша от века так устроена... вот и люди, вроде и похожи, а обычаи у всех – разные. Это ведь пока молод, думаешь: подумаешь, обычаи. А как войдёшь в зрелые годы, – куда тебе без обычаев? Весь ты, человек, в них, как в броне, – от пят и до макушки, словно рыба в чешуе... больно, небось, когда ту чешую, да ножом?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.